
**Рец. на: Иванов А.Е. Еврейское студенчество
в Российской Империи начала XX века. Каким оно было?
Опыт социокультурного портретирования. –
М.: Новый хронограф, 2007. – 436 с.**

Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН А.Е. Иванов широко известен в науке своими трудами по истории высшего образования в России XIX–XX вв. (1). Новое исследование А.Е. Иванова посвящено непростой теме – еврейскому студенчеству в структуре высшей школы Российской империи начала XX в. Толчком к исследованию темы явились несколько обстоятельств: во-первых, значительная роль еврейской интеллигенции в общественном (в том числе революционном) движении, и, как следствие, интерес к предпосылкам этого влияния, среди которых образование – на одном из важнейших мест; во-вторых, дошедшие до нас в опубликованном виде переписи еврейского студенчества ряда университетов России.

Книга состоит из двух больших разделов: собственно исследования и интереснейшего приложения, где в факсимильном виде приведены изданные в начале XX в. переписи еврейского студенчества Киева, Одессы и Москвы. Приложение занимает 259 с. из 436 с. и представляет собой замечательный материал, который могут использовать продолжатели предложенной темы.

Первым законодательным актом, регламентирующим положение евреев в высшей школе в России, стало Положение 1804 г. «Об устройстве евреев». Положение скрупулезно описывало необходимый, по мнению государства, *modus vivendi* евреев, не давая главного – прав вне черты оседлости.

Позже рост революционного движения в Европе вынудил Николая I издать указ (1844 г.), в котором говорилось, что «цель образования евреев состоит в постепенном сближении их с христианским народонаселением и в искоренении суеверия и вредных предрассудков, внушаемых учением Талмуда» (с. 28)*. Правда (и автор не скрывает этого), еврейская молодежь той поры была ориентирована преимущественно на сохранение традиционных, основанных на иудаизме, форм обучения.

Изменения в положении евреев произошли только в период Великих реформ. С 1861 г. иудеи могли быть допущены к получению высшего образования и к государственной службе, правда, только с высочайшего разрешения. «Диплом о высшем образовании стал пропуском за пределы черты еврейской оседлости на территории всей России» (с. 32). Итогом этого был колоссальный рост числа студентов-евреев в 60–80-е гг. XIX в. Русские вузы стали «первичным инкубатором для еврейской интеллигенции – нового со-

* Здесь и далее – ссылки на рецензируемое издание.

циального формирования, которое отсутствовало в российском обществе вплоть до 1860-х гг.» (2). В 1863 г. открывается «Общество для распространения просвещения между евреями в России».

Автор анализирует предпочтения евреев. Большинство обучалось на медицинских факультетах университетов, на втором месте шла юриспруденция. (Стоит, впрочем, отметить, что эти две специальности были популярны и среди абитуриентов вообще, занимая с большим отрывом первые места по численности студентов против «научных» физико-математического и историко-филологического факультетов.) Почти полное отсутствие студентов-евреев в аграрных институтах объяснялось устранением евреев в России от земледелия (с. 46).

Рост интереса еврейской молодежи к высшему образованию испугал власти. И уже с начала 1880-х гг. устанавливаются квоты для евреев, вначале в Военно-медицинской академии, затем в Горном и Лесном институтах Министерства государственных имуществ, а в 1885–1887 гг. квота (не более 10%, в зависимости от вуза) была установлена и в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Это явилось сильным ударом по делу образования евреев, появился особый слой еврейской молодежи – «непринятые». Выходом из ситуации были попытки попасть по разрешению Министерства в число «сверхквотных» студентов или пойти по неморальному пути «фальшивого крещения» (с. 61–62).

Революционные события 1905–1907 гг. затронули и еврейский вопрос. 3 сентября 1905 г. профессора Московского университета обратились в Министерство с просьбой об отмене квот. За этим и за другими подобными обращениями последовало бурное обсуждение в правительственных кругах. Ряд министров (премьер С.Ю. Витте, министр просвещения И.И. Толстой и др.) выступили за отмену процентных квот, однако протест «силовых» министров, поддержанный царем, привел к тому, что квоты тогда отменены не были. В резолюции царя говорилось: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей скрупулезности тогда, когда я признаю это благовременным» (с. 69).

После революции началась антисемитская компания, направленная на уменьшение доступа евреев к образованию. В 1907 г. собрание «Союза русских людей» возбудило перед царем ходатайство о преобразовании Московского университета «на началах русской государственности и русской народности». В 1908 г. законодательно были установлены нормы: 3% для столичных учебных заведений, 5% для находящихся в прочих местностях империи вне черты оседлости и 10% в районе еврейской оседлости (с. 72).

Правда, некоторые руководители вузов находили выход из сложившейся ситуации. Так, например, директор Киевского коммерческого института М.В. Довнар-Запольский добился от Министерства торговли и промышленности разрешения проводить набор четыре раза в год, тем самым процент студентов-евреев возрос до 28% (3).

В итоге количество студентов-евреев составляло в государственных вузах к 1914 г. 7,6%.

Рост их числа произошел в годы Первой мировой войны, когда был разрешен льготный прием в студенты участников боевых действий и их детей. К 1917 г. количество студентов-евреев увеличилось значительно, достигнув максимальных показателей в Новороссийском университете в Одессе и Рижском политехническом институте (по 33%!) (с. 74). В 1916 г. государство попыталось ввести регулирование набора и в частные учебные заведения, но успело это сделать только по отношению к некоторым из них.

Вторая часть исследования А.Е. Иванова представляет собой монографический исследовательский комментарий к переписям. Автор проанализировал социальный облик студентов-евреев, их академическую деятельность, повседневную жизнь, включая национально-культурный облик студенчества, а также общественно-политический облик.

Значительную ценность книге придает то обстоятельство, что автор не ограничивается сухими цифрами таблиц переписей, а иллюстрирует те или иные данные многочисленными сюжетами из воспоминаний и переписки студентов-евреев, а также государственных деятелей эпохи. Это позволяет рассматривать его исследование не как сухой комментарий, а как широкую панораму жизни еврейского студенчества рубежа XIX–XX вв. Так, автор иллюстрирует бытовые тяготы студентов, используя письма будущего известного историка М.О. Гершензона, которому на протяжении пяти лет «приходилось работать репетитором, переводчиком с немецкого и французского... братья за заказы на технические чертежи» и т.д. (с. 93).

Однако если такого рода образ жизни был характерен и для студентов-неевреев, то вот показатели здоровья среди еврейской молодежи были лучше, чем общероссийские. Евреи меньше болели венерическими заболеваниями и в полтора раза меньше употребляли алкогольные напитки. Автор объясняет это пуританским воспитанием в еврейских патриархальных семьях, а, кроме того, «еврейская молодежь, прорвавшаяся к высшему образованию сквозь процентные нормы, слишком ценила возможность стать дипломированными специалистами, чтобы тратить свое здоровье и время на пьяное веселье» (с. 106).

Значительное место уделяли переписи (а следом за ними автор) культурному быту студентов-евреев. Опросы показывали, что большинство (до 70%) из них знали в той или иной степени разговорный еврейский язык идиш («жаргон» по терминологии переписей), при этом в обиходе пользовались как им, так и иными языками (кроме русского также польским, французским и др. – в зависимости от места проживания). Знание респондентами древнееврейского языка, иврита, было, казалось, обусловлено всеобщим еврейским начальным образованием, главной составляющей которого являлось изучение Торы и Талмуда на иврите. Однако опросы показывали, что до половины респондентов абсолютно не знают иврита. Отсюда и отноше-

ние студентов к еврейской периодической печати – большинство читали русскоязычные издания для евреев (хотя издавались газеты и журналы и на идише, и на иврите). При этом незнание языков не мешало студентам-евреям верить в их будущее. Проводивший опрос в Москве Д. Шейнис особенно был поражен мнением о радужных перспективах иврита курсисток-евреек, из которых только 29% его знали. Он объяснил это романтизмом молодости, жаждущей «красивого, цельного существования, не похожего на суровую, неприглядную деятельность с ее жаргоном» (с. 133).

Важнейший вопрос о будущем еврейского народа, его религии и культуры также находил разные ответы в переписях. Большинство респондентов терпимо относились к ассимиляции, поскольку, по их мнению, это универсальный общечеловеческий процесс, но при этом были против того, чтобы первой исчезла еврейская нация. В общем, переписи показывают, что тем респондентам, чьи семьи давно жили в городах, вне черты оседлости, плохо знали оба еврейских языка, в меньшей степени было присуще еврейское самосознание. Как подчеркивает автор, «налицо прямая зависимость глубины и устойчивости национального самосознания студентов-евреев от социального положения. Чем последнее было прочнее, тем уязвимее становилось национальное самочувствие объекта» (с. 162).

Исследование А.Е. Иванова содержит множество других интересных новых данных, в том числе о партийности студентов-евреев, их отношении к вере, о позиции профессуры и многом другом. В целом не вызывает сомнения, что оно является значимым явлением современной российской историографии. И, конечно, как в любой серьезной книге, на ее страницах можно найти дискуссионные моменты различного масштаба. Так, названия университетов почему-то приводятся в их современных вариантах: Новороссийский императорский университет во многих случаях превратился в «Одесский», Сибирский – в «Томский» и пр. Неясно, почему не были использованы упоминающиеся в монографии переписи еврейских студентов Петербурга, и т.д.

Намного серьезнее вопрос об авторской позиции в отношении «еврейского вопроса» в российском образовании. Далекое не всегда можно согласиться с полной дискриминацией евреев.

В то время как представителям большинства народов России запрещено было даже начальное образование на родном языке, с 1860-х гг. открывались казенные еврейские начальные училища с преподаванием конфессиональных дисциплин, в некоторых средних учебных заведениях в начале прошлого века преподавался иудейский Закон Божий и т.д. Также вряд ли можно считать дискриминационным требование знания основного языка огромной империи – русского. Кроме того, далеко не всегда следует считать отрицательным явлением частичную культурную ассимиляцию – а фактически культурное развитие, вместо традиционного культурного изоляционизма – будущих инженеров и врачей еврейского происхождения.

Однако подобные моменты лишь придают труду Е.А. Иванова дополнительную остроту и провоцируют дискуссию. Сама же монография с ее интереснейшим приложением представляет собой серьезный вклад не только в изучение истории отечественной высшей школы, а также в российскую гебраистику, но и в историю многонациональной российской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., например: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX в. – начале XX в. – М., 1991; *Он же.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: соц.-ист. судьба. – М., 1999; *Он же.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М., 2004.
- (2) См. подробнее: *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией. – М., 2007.
- (3) *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). – М.; Брянск, 1997. – С. 97.

С.И. Михальченко
доктор исторических наук, проф.
Брянского государственного университета
им. И.Г. Петровского